

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький

(Перевод с американского)

Судьба вообще очень неблагоприятна ко мне, но всё-таки я не ожидал, что она сыграет со мной такую скверную штуку.

Я вступил в жизнь – в активную жизнь – учеником маляра, затем пёк булки, писал иконы, пас лошадей, копал землю для разных надобностей, – между прочим для покойников, – был крючником, ночным сторожем, корчевал пни, был садовником, испытал ещё много свободных профессий, везде чувствовал себя более или менее не на своем месте, дожил до такой степени выносливости, что стал считать безделье утомительнее труда, нажил себе «нервы», боль в груди, некоторый житейский опыт, ещё несколько неприятных вещей, – наконец, однажды вдохновился, нечто смело написал, робко снёс в редакцию, меня благосклонно напечатали, мне это понравилось, я решил остановиться на этом труде, близко родственном по своей сущности к корчеванию пней, – занятие, к которому я всегда питал особенную слабость, – решил и – стал провинциальным литератором.

И успокоился на этом, не порываясь больше никуда, убеждённый, что пост литератора обеспечивает голодную смерть не хуже и не менее, чем всякий другой пост.

Мне очень нравится быть литератором: ты пишешь, а тебя читают, и хотя ты не знаешь, каковы отсюда вытекут результаты, но, при некоторой наивности, вправе полагать, что они будут очень почтенны и солидны; а если природа позабыла наделить тебя скромностью, то ты можешь даже и мечтать о том, например, что люди тебя послушают и, согласно твоим советам и доказательствам, станут относиться сами к себе и друг к другу внимательней и благородней...

Я лишён этих удовольствий, – жизнь темна, я довольно потолкался в ней, и крылья моей мечты сломались.

Это очень печально, ибо преждевременно. Но я взялся за гуж литератора с благими намерениями и с успокаивающим убеждением, что ведь могло быть и хуже... Я наивно полагал, что мне не будет хуже, чем было. И вот однажды, поутру, я встал с постели редактором газеты.

Сначала я ничего не почувствовал, кроме некоторого лестного ощущения, и, преисполненный сознанием важности возложенной на меня задачи и крупного общественного значения моего как руководителя органа, имеющего целью влиять на общественное мнение, – отправился в редакцию...

Но уже дорогой я подумал – как же я буду руководить общественным мнением, в которую сторону позволено направлять его, где оно у нас есть, и знаю ли я, в чём оно выражается?

«Мне нужно прислушаться к голосу публики», – решил я и по дороге стал прислушиваться.

Но голоса не услышал – была какая-то разноголосица и этакое туманное мычанье, хотя и близко напоминающее человеческую речь, но без всякого намёка на гражданственные звуки.

Два, по внешности, вполне приличных господина рассуждали так.

Один горячо спрашивал:

- Да ведь он украл общественные деньги?
- Растратил, то есть, – спокойно поправлял другой.
- Ну, всё равно... всё-таки виноват он?
- Нет!..

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Как?!

– Так!

– Да ведь это преступление?!

– Нет, увлечение... несчастное увлечение...

– Да деньги-то крестьянские пропали?

– Пропали!

– Ну, так как же?

– Э, брат!.. это ригоризм у тебя. Нужно быть мягче, вдумчивее, гуманней...

– А у тебя отсутствует инстинкт общественности. Да! Общественный интерес выше...

Мне показалось, что человек, утверждавший, что растрата есть преступление... жалеет, что ему самому не удалось растратить, и потому так зол и строг, а его противник уже растратил, боится быть открытым и потому так человеколюбиво мягок...

Чтоб окончательно не убедиться в этом, я не стал больше слушать – и прошёл дальше...

Но мне не везло... Везде, где я видел двоих, я слышал два мнения... а иногда даже три и более. Это противно логике, но русскому человеку, очевидно, нисколько не противно...

Мне стало немножко скверно, и я от души пожалел о том, что забыл справиться у старого редактора о цвете, форме и направлении общественного мнения, которым он руководил до своего отъезда в отпуск. Не имея представления – по неопытности моей – о том, каково оно у нас – это общественное мнение, – я готов был предположить, что оно тоже уехало в отпуск из русской жизни. Но в это время мне в глаза бросилась спокойная фигура полицейского, а в голову вскопчила одна преоригинальная идея. Я подошёл к нему...

– Послушай, служивый, – сказал я... – Не знаешь ли ты, какое у нас сегодня общественное мнение?

– Время? – переспросил он.

– Нет – мнение... Знаешь – разговор... О чём и как говорят...

– Говорят? Про цирк говорят...

– Ну? Что же именно?

– Говорят – очень интересно! Во-первых, ломка... а потом – можно корову выиграть... али самовар...

– Нет, это не то...

– То самое... Оно и есть... Уж нам это известно, мы за непотребством и безобразиями обязаны следить... публичные развлечения нам известны.

Нет, он, очевидно, не понимал меня...

И, в смущении, я направился в редакцию, думая, что, может быть, по старым номерам газеты мне удастся определить вид и суть существующего общественного мнения, а также и направление, по которому я должен буду его вести...

В редакции меня ждал некто, очевидно, забывший в этот день вымыть руки, выбрить лицо и почистить костюм. В правой руке у него была палка, в левой рукопись, и на одном усе висело перо какой-то птицы...

– Имею удовольствие видеть нового редактора? – очень басовито, но вежливо осведомился он. Я убедил его в этом.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Пр-ринёс р-рукопись... одну... Пррекоmendуюсь – брранд-майор в отставке – Терсит... впрочем, наплевать! Здешний обыватель... свой дом на Грязной улице... но это чепуха! Учился в гимназии... четыре класса... служил... познал несправедливость... и вот принёс вопль оскорблённого сердца... Выпиваю и в пьяном виде – дерусь!

Я не смел сомневаться во всём этом, осторожно взял его рукопись, весом не более двух фунтов, и сказал, что – прочитаю её... непременно...

– Д-да... буду обижен, если не прочтаете. Прежний редактор ничего не понимал в литературе... Трижды я приходил и предлагал ему: «Печатай!» – «Нецензурно», говорит. – «Сокращу!..» – «Всё равно нельзя». Раз даже смел сказать мне, что выгонит вон. Хотел его бить... но он осторожен...

– Вы... бьёте редакторов, которые... отказывают вам в помещении ваших произведений?
– осведомился я, чувствуя, что это высоко интересно для меня.

– Всегда! – кратко и внушительно сказал он. – Бью и публично изрыгаю на них хулу.

Заслуживают! Двенадцать лет тому назад написал вещь – и не могут напечатать! В двадцать редакций посылал, наверное, – и – ни одна! «Братья-писатели!» и так далее... Нужно поощрять таланты, а вы, редакторы... чёррт!

– Я прочитаю... я вот сейчас возьму и прочитаю... – умиротворяюще произнёс я.

– Подожду... – И он сел на стул, грозно насупив брови.

– Нет, знаете что? Вы лучше идите...

– Куда?

– Домой... или куда вам угодно...

– Как эт-то понимать? а? Хорошо, не бойся – пойду... а ты мне дай двугривенный в счёт гонорара...

Я дал ему два пятиалтынных, и он ушёл. Я отёр пот со лба и посмотрел на рукопись. Она была довольно сильно потрепана и называлась... «Взгляд на мир с высоты каланчи. Откровенно философский взгляд на вещи, предметы, факты и события, а также и очерки из быта местной жизни и всякая всячина общежития, изложенная в форме отдельных сцен и в трёх отделениях. Часть (отделение) первое... Сверху вниз. Взгляд высокопоставленного человека на низшие потребности людей и необходимость их».

Я отложил «Взгляд» в сторону, чувствуя, что сразу, с первого дня, мне не по силам чтение таких мудрых вещей...

Пришёл хроникёр и мрачно заявил, что хроники нет.

– То есть – это как же?

– Событий нет...

– Но ведь в городе случилось же что-нибудь за сутки?

– Ничего не случилось. Никто не удавился, не утопился, ниже иным родом покончил с собой. Привыкли все к такой жизни... Живут, живут и привыкнут... Не только по собственному почину не умирают – силком не заставишь.

– Но ведь за сутки в чём-нибудь да выразилась же общественная жизнь! – огорчённо воскликнул я.

– Ничего нет... Ни драк, ни краж, никакого озорства. Ничего...

– Да, может, хоть лошадьми переехали кого ни то?

– Говорю вам – нет. Знал бы уж...

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Как же мы без хроники? а?

– Да я чего ни то напишу...

– То есть?

– Выдумую какое ни то событие...

«Да... вон оно что! Значит, для оживления зеркала жизни газете иногда события-то выдумывать приходится», – сообразил я и в душе восхитился человеческой находчивостью...

Вошла барышня... Совсем молоденькая барышня, с бумажной трубочкой в руке. Она вошла и, покраснев, остановилась у двери.

Я спросил её, что ей угодно.

– Я, видите ли... написала стихи...

И она уже так покраснела, что мне даже стыдно стало чего-то. Я начал, как мог, утешать и ободрять её, говоря, что пусть она не смущается – нынче это поветрие, все ныне этим грешат, и что, в сущности, если говорить объективно, так поступок не особенно зазорен и даже может быть прощён ввиду её молодости. Пусть она доверится мне, – я не буду строг.

Грудным ребёнком я сам писал стихи «к ней...»

И даже пробовал трагедию.

– Ах! – сказала она тогда и подала мне свою бумажку...

Крылья ночи Мне на очи
Тёмный бросили покров;
Засыпаю
И мечтаю

Про объятья, про любовь...

Читал я и смотрел на неё. А ей было лет так около тринадцати. Увы! скорбно в такие молодые годы испытывать неудачи... и разочарования! Но она испытала их...

Виноват в этом я... Думаю всё-таки, что я не до смерти убил младенческую душу...

Потом принесли ещё стихи. Тоже девица, но уже лет на тридцать старше первой.

Она была одета в розовое платье, а её стихи начинались словами:

О, сколь в душе моей сокрыто страсти бурной.

И сколько в голове надежд на счастье чада!

Зубы у неё были чёрные оттого, очевидно, что чад надежд, переполняя голову, выходил из неё через рот...

Потом ещё пришли длинные стихи в клетчатых брюках и в жёлтых башмаках. Очень странные.

Потом явилась поэма в серенькой кружевной накидке. Ещё по почте получено четыре пакета стихов. Наконец я разделался с ними и взялся за корреспонденции. Корреспонденции были разные.

Большинство из них были длинны, безграмотны и таинственны – никак нельзя было понять, о чём они именно трактовали. Некоторые были кратки, ясны и грамотны – но в силу этих причин неудобны для печати. Были также серенькие корреспонденции, кисло-сладкого характера и невинного содержания. Мне, по неопытности моей, самыми удобными для газеты корреспонденциями показались краткие, ясные и грамотные. Их я решил сдать в набор. Хроникёр преподнёс несколько событий. Подкинул трёх младенцев, обличил мостовые, пустил в городскую пыль несколько стрел остроумия и полил всё это водой пространного рассуждения о женщине, покончившей с собой самоубийством. Вышло очень хорошо.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Затем я прочитал фунтов тридцать беллетристики. Несмотря на лёгкость содержания, она довольно сильно подавила мой дух, и точно я болотной воды напился – так неловко было мне.

Потом пришёл некий почтенный человек, просивший обличить своего соседа, удивительного мерзавца, убившего у него камнем курицу. Я отказался от обличения, ссылаясь на его голословность. Тогда он ушёл, обещая мне подтвердить факт трупом курицы, который он завтра готов принести в редакцию.

– По моему мнению, – сказал он мне на прощание, – долг прессы в том именно и заключается, чтоб доводить до сведения общества факты такие вопиющие, как вот этот, и защищать обывателя от злодейских посягательств на жизнь его домашних животных. Я, милостивый государь, человек семейный.

Мне его взгляд на задачи прессы показался несколько односторонним, и я задумался по поводу его. Но в то же время мне льстило то, что вот обыватель обращается к прессе и ищет у неё защиты. Значит, он доверяет ей и считает её в некотором роде силой. Это хорошо.

Пришёл человек с желчным лицом и с опровержением.

– Это вы и есть редактор? – кислым тоном спросил он... – Вы... ну да... теперь я понимаю, каким образом в вашей газете печатается разная голословная чепуха. Вы слишком молоды для ответственной роли редактора... вот что, милостивый государь! В одном из номеров вашей газеты было напечатано скандальное сообщение о том, что я будто бы прибил свою горничную.

Какой дурак сообщил вам такую чушь? Удивительно! Она сама меня прибила туфлей, моей же туфлей и отшлёпала, – каков цинизм, а? Но как бы то ни было – я её или она меня – это не важно... важно вот что: с какой это вы статьи взяли, что мои отношения к горничным подлежат контролю прессы? а? Да вы понимаете, что я с вами могу за это сотворить? У меня, батенька, т-такие связи, что если мне цыкнуть, так вас в двадцать четыре часа...

– Позвольте, но ведь сообщение сделано на основании полицейского протокола... – заметил я.

– А вам какое дело до этого?

Я стал убеждать его, что мне есть до этого дело, ибо это рисует нравы.

– Задача прессы, государь мой, не в том, чтоб рисовать что-то такое, а в том, чтоб проводить в жизнь идеи добра, справедливости и благородства. Да. Вот вы этого не знаете, а берётесь за редакторство.

Я возразил, что не считаю драку с горничной туфлями благородной дракой и...

– А что же, на шпагах мне с ней драться? – сердито и ядовито спросил он.

Я сообщил ему, что, на мой взгляд, вовсе не следует драться, а...

– Вы ничего не понимаете в житейских отношениях! Ваш долг – восстановить истину в её первобытном виде...

Тогда я спросил его, какова она была, эта истина, в первобытном виде, но оказалось, что в этом виде её нельзя было напечатать, не нарушая устава о благопристойности, о чём я и заявил ему.

Тут он обругался и убежал, сильно хлопнув дверью.

У меня уже немножко кружилась голова, когда явился человек, заявивший, что он есть не кто иной, как убийца курицы.

Я сделал строгое лицо.

Оказалось, что курица была возмездием за ухо, оторванное сыну убийцы собственником курицы. Затем оказалось, что долг прессы – защита детей с оторванными ушами.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Я принял это к сведению.

Всё это мне нравилось – я видел, что обыватель признаёт прессу, даже говорит о её долге. Голова побаливала...

Пришёл очень приличный и весьма любезный человек. Он раскланялся, сел, высморкался и начал:

– Я к вам, господин редактор, с просьбой о некотором одолжении. Видите ли, в чём дело: принесут вам тут одну инсинуацию на меня, плод творчества некоего туземного писаки... Будет он там распространяться о том, что у меня недочёты и что я будто бы... употребляю средства Общества на устройство пикников. Не верьте и не помещайте... Ложь из зависти. Пикники, действительно, люблю, вот скоро устраиваю ещё один и буду почтительно просить вас принять в нём участие. С весёлыми дамами, с шампанским... превесело будет, чёрт возьми!.. Пожалуйте?

Ах, какое милое, простосердечное отношение к прессе! Как ошибаются те, которые утверждают, что обыватель и пресса – непримиримые враги!

– Знаете, – продолжал он, – моё мнение такое: долг прессы – стоять как можно ближе к жизни и её интересам... Жизнь – это каждый из нас. Знаете, как говорит Гейне, «человек – это вселенная, под каждым гробовым камнем погребена целая всемирная история». Я вселенная, вы вселенная, он вселенная, – таким образом, интересы прессы – интересы каждого из нас, и наоборот, – верно? Значит, вы должны защитить мои интересы, правильно?..

Экая прямая логика у этого милого человека! Приятно поговорив с ним с полчаса, мы радушно распростились. Я, собственно, не согласен несколько с ним, но после выясню мою точку зрения...

И, наконец, я пошёл домой. Так разнообразно истёк первый день моего редакторства. Я был немного утомлён с непривычки и, придя домой, лёг спать. Снились мне несколько странные вещи.

Будто бы вокруг меня витает рой младенцев, дам, дев, девушек и юношей, и все сразу читают мне разнообразные стихи. Рифмы сыплются мне в уши, как горох, фальшивые цезуры пилят меня, как... тупой пилой... Потом являются зрелые и незрелые мужи и жёны в фантастических одеяниях и читают загробными голосами поэмы, романы, повести, рассказы, этюды, эскизы, очерки, памфлеты, опыты, статьи, кроки, сцены...

Ещё снилось мне, якобы иду я по вековому лесу, растущему на болоте, и сквозь тьму и ветви деревьев за мной, вкусно чавкая челюстями, следует крокодил. Следует неотступно и почему-то плачет. Физиономия у него как бы знакомая...

И ещё снилось мне, будто бы мне велят петь сладкие кантаты, а у меня для оных голоса нет. И, разевая рот, я безмолвствую.

Тогда мне втыкают в спину иглу, и я издаю соответствующий случаю звук, но глотку мне немедленно затыкают, я задыхаюсь и... просыпаюсь...

Второй день моего редакторства был весьма чреват событиями.

Прежде всего судьбе угодно было познакомить меня с литератором-туземцем. Это был господин неопределённых лет, но весьма определённой физиономии и сильно потёртый временем.

Будь я романистом – я сказал бы: «преступления и страсти отметили его чело роковой печатью», – но я не романист и говорю просто: физиономии его была хищна, жалка и изношена; в силу гармонии этих причин она не вызывала никакого доверия к себе.

– Имею удовольствие видеть нового редактора? – спросил он, уставив мне в лицо серые острые глаза.

– Да! – вздохнул я.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiyamaxim.ru – Езоп фаланга! Бывший сотрудник органа, которого вы в данный момент имеете быть редактором. Корреспондирую во многие столичные и крупные провинциальные издания с того момента, как ушёл из вашей газеты. А ушёл я из неё потому, что редактор, бывший до вас... как бы это вам определить мягче? Гм! Ну, одним словом, мы с ним принципиально разошлись. Он, знаете, слишком легко относится к принципу – фундаменту жизни... Он, в сущности, знаете, так себе был...

– Чем бы я мог вам служить? – спросил я, ибо не чувствую любви к биографиям... Скучный род литературы.

– Пришёл предложить вам свои услуги как сотрудника. На любое амплуа. Я со всем справляюсь. И мы бы сошлись, я не ригорист... и люблю мир. Мои условия... обыкновенные.

Но это было не совсем верно... Его условия, с моей точки зрения, были далеко не обыкновенны... Так, например, статья, написанная просто, – стоит две копейки; с жаром – уже три, с жаром и негодованием – три с половиной и так далее, пока, наконец, он не дошёл до статьи с благородным гневом по пяти копеек за строчку и до статей с гражданским мужеством – по гривеннику.

Я возразил ему, что столь разнообразная и сложная котировка, пожалуй, поставит в большие затруднения нашу контору...

– Это ничего! Я помогу ей сам... обязательно, – воскликнул он. – Когда я работал в «Карболке»...

– «Карболка»?! Вы работали в ней? Но ведь её принципы противоположны нашим...

– Это ничего! – повторил он... – Я могу изменить принципы по вашему желанию... Для такого опытного работника, как я, – это не составит затруднения. Знаете, какой случай был со мной года три тому назад?

И он пустился рассказывать мне о случае...

Воистину, это дьявольски интересный случай! Он в одно и то же время сотрудничал в пяти газетах противоположных направлений... В понедельник ему нужно было быть радикалом – он был им, во вторник либералом – он был им, в среду консерватором – он был и им, в четверг он был только спиритом и христианином, в пятницу ему нужно было быть чистым эстетиком и язычником-пантеистом... он был!

И, наконец, субботу и воскресенье он был пьян, что нельзя поставить ему в вину, принимая во внимание каторжный труд, которому он посвящал пять дней своей недели...

Я видел пред собой интереснейшего человека... и я очень пожалел, что не могу предложить себя ему как антрепренёра...

Я бы стал возить его по ярмаркам и показывать публике как образец редкой разносторонности.

Мне казалось, что на его теле есть «пунктики», этакие, знаете, чувствительные местечки, регулирующие его словоистечение: подавить один из них – он заговорит тако, подавить другой – он скажет иначе, третий – он заговорит в другом тоне...

Не знаю, насколько это удобно для газеты, но мне столь современно усовершенствованный человек не понравился.

Человек, внутреннее содержание которого свободно формируется посредством внешних нажимов, – неудобен для литературы, по моему мнению.

Я так и высказался, а он удивился.

– Я не понимаю, право, что вас смущает. Ведь я могу действовать всецело в вашем духе.

Но мы не сошлись с ним всё-таки. И он ушёл, мне показалось, разочарованный и сердитый.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Я же погрузился в думы о жизни, которая так разнообразно приготавливает человека к смерти. Сначала частями вытравит из него душу, потом примется за ум, затем постепенно превращает в прах тело. Весёленький процесс...

Затем на меня пошёл начинающий литератор, всех видов. Он наступал рассыпным строем.

Первый застрельщик, которого я увидал, был старенький старичок. Ему было лет восемьдесят, и он выстрелил в меня стихами о козочке и розочке. Приходили беллетристы, драматурги и поэты без счёта.

Был фонарщик, написавший стихи о могилах, и могильщик, сочинивший нечто о звёздах.

Приходил человек, с трактатом о геморрое, как причине распространения пессимистических теорий. Приходил человек, сразу попросивший аванс.

– Вы что-нибудь написали? – спросил я его.

– Нет... Но я, пожалуй, могу... Вам что нужно – стихи или проза?

Я испугался, что он и в самом деле, пожалуй, напишет что-нибудь, и дал ему аванс – в огромном размере пятнадцати копеек.

Он принял это как должное и ушёл. Благородный человек! Как он дёшево берёт за то, что ничего не делает. Я рекомендую его гуманный поступок со мной за образец всем начинающим литераторам. И все редакторы, я уверен, единодушно присоединятся к моей рекомендации.

Обилие начинающих литераторов, в конце концов, совершенно подавило меня и повергло в мрачное уныние. Я думал – зачем природе, в которой, что бы там ни говорили любители гармонии, приписывающие природе разумное стремление к какой-то таинственной цели, – в которой и без начинающих литераторов ужасно много совершенно лишних и никуда не годных вещей, – зачем природе нужны начинающие литераторы в таком грандиозном количестве?

Пришёл будочник. Он был огненно-рыж и сугубо мрачен.

– Их благородие помощник частного пристава прислали! – заявил он гробовым голосом.

– Что они прислали? – осведомился я.

– Меня вот. Они говорят, что вы пропечатали неправду насчёт женщины... Такого происшествия не было в нашей части. У нас живёт народ смирный. Точно, что была драка, а самоубийств не было. А вот драка, это точно, была. Только дралась не женщины, а сапожники, и один другому ухо откусил. Вот вы, видно, и смешали эти дела. Их благородие говорит, что надо это исправить. Они бумагу прислали, вот...

И он сунул мне бумагу. В ней кратко опровергался факт самоубийства. Меня это огорчило, хотя я и не забыл о том, что этот факт – результат свободного творчества нашего хроникёра.

– Господин газетчик! А то вот ещё было у вас напечатано про буйство... Нельзя ли и это исправить?

– А разве и буйства не было? – с унынием спросил я.

– Нет, оно верно... мордобой был.

– Ну, вот видишь! – с гордостью заметил я.

– Верно... – вздохнул он... – Только всё-таки нельзя ли исправить? Потому как люди это мне знакомые...

– Ну?

– Знакомые... кум один-то... а другой сродни... третий – тёзка... Зазорно им...

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Жили-жили... люди всё семейные, и вот – в газету попали.

У него был предвзятый взгляд на газету. Он говорил «в газету» таким тоном и с такой гримасой, что это оскорбило меня.

– Солдат! – сказал я строго и внушительно поднял палец кверху. – Говори о газете без гримас и почтительно. Ибо ты – о, солдате! – не понимаешь её значения. Ты видишь, я в газете, и однако...

– Ведь это, конечно, кому какая доля, – вздохнул он. – Мало ли что случится с человеком... Не уберёжешься...

– Это ты о чём?

– Да вот насчёт вас... Вы сказали – сам я в газете, я и говорю.

Он не понимал меня. И он ушёл недовольный мной. Но я был рад, что так говорил со мной.

Я боялся, что он будет строг.

Пришёл хроникёр. Он улыбался. Довольство светилось в каждом волоске его усов, и они подрагивали.

– Какой вам аванс закатили! – с восхищением изрёк он, пожимая мою руку.

– Аванс? Издатель?

– Нет, не издатель, а «Карболка».

Я взял номер газеты из его рук и прочитал в ней: «Мы искренно поздравляем подписчиков „Саламандры“ – этого приюта моральных и интеллектуальных калек – поздравляем их с новым надзирателем за сотрудничающими в ней убогими людьми. Мы говорим о новом редакторе „Саламандры“, господине, подписывающем свои туманные измышления за недостатком собственного приличного имени пошлым псевдонимом Паскарелло – что значит площадной гаер. Это новое приобретение „Саламандры“ несколько знакомо нам, и мы считаем необходимым поделиться с публикой некоторыми данными из его биографии – кладбищенский могильщик, некогда подозревавшийся в ограблении трупа, за что он и был лишён должности, вполне соответствующей его природным способностям...»

Далее шли ещё несколько фактов из моей жизни и сведений обо мне, совершенно новых для меня, и статья была заключена патетическим восклицанием: «Вот кто ныне руководит общественным мнением! О времена! О нравы!»

Мне показалось, что земля разверзлась подо мной и образовала вулкан, сразу обдав меня волной липкой и пахучей грязи. Но я быстро сообразил, что это открыт исландский гейзер газетной полемики... не больше...

– Вы как... вам это нравится?! – спросил я хроникёра...

– Подло, конечно... но хорошо! Бойко, ядовито! Распишитесь в получении...

– То есть?... – спросил я уныло...

– Будете отвечать?..

– Н-нет, знаете... я недостаточно... усвоил себе такие приёмы... Я ещё неопытен в полемике...

– Следует поторопиться...

– Да?

– Конечно!.. А то вам перервут глотку...

– Разве это... принято в прессе?

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Как же?.. Во всяком торговом предприятии необходима конкуренция...

– Но мне кажется, что пресса преследует не исключительно коммерческие цели...

– Это в идеале пока ещё.. На самом же деле присмотритесь к отношениям её органов друг к другу, и вы увидите, что эти отношения регулируются конкуренцией: на популярность в публике – цель явная, на увеличение подписки – цель скрытая и первенствующая...

– Вы давно работаете... – я не решился назвать место, где он работает, так, как мне хотелось назвать его в тот момент...

– Третьи зубы съедаю... – кратко ответил он.

Я понял его жаргон. И я пожалел его. Несчастный!.. Он ничем никогда не возмущался и ничему и никогда не выражал каких-либо иных чувств. Я начинал постигать психический процесс, который привёл его в состояние такого одеревенения...

Потом пришёл человек, объявивший мне, что он хотел бы поговорить со мной о необходимости изменения тона газеты. Я попросил его объясниться...

– Видите ли что... постоянные указания людям на их пороки... едва ли в состоянии исправить кого-либо. Людям нужна ласка, тёплая ласка матери... Ну, и с этой точки зрения ваш орган – не удовлетворяет своей задаче... Зачем говорить всё только о тёмных и горьких вещах?

В жизни есть явления светлые и сладкие...

У этого господина был трёхэтажный подбородок и славные, глазированные жирным румянцем щёки. Я вспомнил жёлтые и худосочные физиономии всех известных мне представителей прессы. У этого господина была недурная эрудиция и громадный запас светлых фактов, которыми он поддерживал её. Факты поражали своей свежестью – казалось, они только что создались в его воображении. Очевидно было, что пункт, с которого наблюдал жизнь этот человек, – замечательно удобный пункт для сохранения чистоты души.

Он долго говорил, он много сказал... Задача прессы, по его мнению, – во что бы то ни стало поддерживать дух общества и его надежды на будущее. Отсюда вывод: с печальными явлениями нужно обращаться осторожно и не часто рассказывать о них обществу, это ведёт к пессимизму. Мы не сошлись с ним. Моё мнение – надежды, позволяя думать о будущем, мешают правильно понимать настоящее и даже развивают индифферентизм к нему. Господин рассердился на меня за всё это и ушёл, сказав мне, что он прекращает подписку...

И ещё пришёл господин с опровержением. В пылу гнева он раздробил своей горничной челюсть, бросив в неё машинкой для снятия сапог. Наша газета нашла необходимым заметить по этому поводу, что машинки для снятия сапог не могут быть применяемы к делу воспитания порядочности в прислуге. Господин не соглашался с этим... и приводил в доказательство ложности нашего взгляда тот факт, что он уже усадил одного редактора в тюрьму.

– Задачи прессы – не оглашения скандалов, а проповедь культуры, культуры, культуры, милостивый государь! – И, грозя побить меня палкой при первой же встрече со мной, он убежал взбешённый.

А я остался на своём посту. Меня радовало то обстоятельство, что у каждого обывателя есть свой взгляд на прессу, но я огорчился, что обыватели не имеют общего взгляда на неё.

Впоследствии я увидал, что разнообразие взглядов скрывает в себе очень хорошо построенный общий взгляд... и это ещё более огорчило меня.

Затем я получил письмо по городской почте. В нём было кратко и ясно сказано следующее:

«М. Г.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Вы приглашены на пикник известным вором и шантажистом Х. У.!!! И вы дали согласие ему!!!! Это подло! И это рисует вас как...»

Я не выговорю, как, по его мнению, это меня рисует...

Я только почувствовал, что всё тело мое ноет, ноет так, как будто б меня уже вздули.

Мимо окон редакции ходили какие-то мрачные фигуры. От контролёра принесли гранки завтрашнего номера. Оказалось, что я неудачно выбрал корреспонденции, много послал хроники...

Оказалось, что вообще я не имел точного представления о контроле... Это печальное обстоятельство привело к тому, что все статьи, посланные мною к контролеру, были им гильотинированы.

Он отчертил им начала, четвертовал их и вытянул из них жилы смысла. В красных рубцах лежали предо мной гранки, и мне казалось, что это их до крови высекли.

Кое-как склеив изувеченные остатки некогда вполне здоровых статей, я отправился домой, стараясь пройти так, чтоб менее бросаться в глаза прохожим. Благополучно придя домой, я сел в кресло, пытаюсь подвести итоги дня. Но я тотчас же погрузился в кошмар... Мне начало казаться, что из всех углов моей комнаты на меня смотрят суровыми глазами разные чудища.

Ах, как страшно быть предметом их внимания!

Затем мне показалось, что будто б я и издатель, взяв друг друга за руку, в мирном молчании и живописно нищенских костюмах шествуем по пустыне куда-то вглубь её, где тьма и голод.

Затем на макушку мне сел ворон и стал методически продалбливать мой череп. Иногда он заглядывал в мои глаза, и его клюв, красный от моей крови, – я ждал – лишит меня зрения.

Потом при звуках торжественного марша меня повесили вверх ногами на высокое дерево, а люди, которых я видел за день, танцевали подо мной фантастический танец торжествующих победителей.

Я же висел без движения, и единственное желание, которое мешало мне погрузиться в нирвану, было желание высморкать нос.

Но, повешенному так неудобно, мне и этого нельзя было сделать.

Но если б я знал, что будет дальше со мной! Если б я знал, что я, редактор «Саламандры», вступлю в полемику с «Карболкой»!

Если б я знал это – я застрелился бы ранее, чем допустил себя пережить это...

Ибо в конце полемики я всё-таки ведь застрелился же!

И вот! Я дожил до «полемики».

Началось с того, что однажды утром, подавая мне чай, моя кухарка оповестила меня:

- Приходил какой-то...
- Ну?
- Прохвост, надо быть...
- Почему?
- Да так. Разговор у него пустой...
- Говори толковее.

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Да я скажу... Про вас спрашивал... «Водку пьёт твой барин?» – «Пьёт», мол. – «Много?»

– «Разно, говорю: когда больно много, когда поменьше». – «А насчёт женского полу как?» – «Это, мол, нам неизвестно». – «Тебе, говорит, никаких зазорных предложений не делал?!»

Рассердилась я. «Что ты, говорю, анафема? Смеёшься, что ли?» А он уговаривать: «Ты, говорит, бабушка, не сердись и говори всё, как есть по правде. Вот тебе...» – и дал мне три двугривенных. «Сколько, говорит, у него белья, и какое это бельё?..» И вообще спрашивал про домашнее житьё ваше... Я говорю: «Вам, господин, зачем всё это?» А он: «Это, говорит, секрет покамест. А вот, коли ты грамотная, то во вторник узнаешь». И чего уж это он – не могу в разум взять! Так, не сказамши, и ушёл.

Я задумался. Любопытство этого господина было очень странного характера, с этим, я полагаю, всяк согласится... Но, подумав немного, я скоро забыл обо всём этом, обременённый своими обязанностями.

Я принимал опровергателей, прочитывал пудами творения начинающих литераторов, выслушивал от обывателей их разнообразные взгляды на прессу... И мне казалось, что я живу в густом и тесном болоте, засасывающем меня всё глубже и глубже в свой неприятно пахучий ил, в нём цвели разные цветы благородных намерений, корни которых питала влага грязненьких побуждений, в нём кишели массой бесхвостые и безголовые, невероятно уродливые существа, – и это были обывательские мысли. В нём было ещё много всякой дряни, и вся она кипела, разлагалась и наполняла воздух ароматами необыкновенно крепкими.

Седые волосы, появившиеся у меня на висках, всего лучше свидетельствовали о сладости моего бытия...

Мрачные видения смущали мой сон...

И вот – я дожил до некоего вторника.

В этот день я пришёл в редакцию и увидел на моём столе номер «Карболки». Он был развёрнут, и его фельетон был заботливо и любезно очерчен красным карандашом. Я взял в руки номер и стал читать его...

«Прогулка по городскому саду при благородном свете беспристрастия» – называлась эта статья...

«Читатель! – гласила она... – Позволь мне рекомендовать тебе ту кучку монстров и раритетов, которая всегда торчит в городском саду и вызывает у тебя изумление своим размашистым поведением и той намеренной эксцентричностью костюмов, которая всегда достигает своей цели, сразу обращая на себя внимание людей, действительно благомыслящих и неподкупно любящих свою родину. Ты, наверное, уже давно заинтересован внутренним содержанием этих лиц, всячески ухищряющихся импортировать тебе и во что бы то ни стало желающих быть популярными...

И вот мы – не стесняясь приличиями в нашем искреннем желании помочь тебе правильно оценить этих господ, претендующих на благородное звание русских людей, – раскрываем пред тобой их прогоркшие, развращённые души и срываем маски благородства и оригинальности с их хамелеоновских физиономий... Ты видишь этого громадного детину в шляпе турецкого бандита или плантатора восточно-американских штатов? В руках его толстушая палка, – может быть, на ней есть и запёкшаяся кровь, – и он бросает фиолетовые взоры животной страсти на проходящих мимо благородных матрон...

Читатель, не бойся его! Не так страшен чёрт – как его малюют! Мы имеем подробные сведения об этом господине».

И далее сообщалось об этом господине, что он женолюбив и всегда склонен к прелюбодеянию, что он бил и забил в гроб свою жену, что он ныне склоняет на прелюбодейный блуд свою кухарку, невинную девицу пятидесяти восьми лет и семи месяцев от роду, что он никогда не покупает носовых платков, но тем не менее имеет оные, что у него нет белья, что он трижды в своей жизни не заплатил денег

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiyamaxim.ru извозчикам за провоз его громоздкой туши... что, наконец, его развращающий пессимизм расцвёл на почве хронического расстройства желудка и что в пользу истинности последнего обстоятельства автор имеет в своих руках вещественные доказательства своей правоты и болезни «этого господина».

Я читал и изумлялся. «Боже мой, какие люди есть на свете!» – думал я в тоске и страхе.

А правдивая статья звенела медным звоном, поражая мой слух благородством своего тона и едкостью речи.

«И это человек!» – гласила она.

И я про себя восклицал:

«И это человек!»

Я был переполнен пылким негодованием к нему – этому человеку. Уважение к автору громовой статьи росло в груди моей и буквально распирало её. Я хотел крикнуть ему: «бис! браво!» Но – увы! – я сообразил, что он не услышит меня.

Ах, я люблю людей, пылающих благородством!

Мне решительно всё равно, чем они были до того, как их прорвало горячей тирадой по адресу порока. Я по отношению к ним – читатель и слушатель, мне не нужно знать, гармонирует ли их слово с их делом; требовать этого от людей – бесполезно, это чрезмерно роскошное требование! И если пылкое слово защитника добродетели проникает мне в душу и зажигает в ней искорки стыда за её слабость, – я ценю человека, успевшего сказать такое слово. Да, я ценю его и всегда готов прибавить ему от моего скудного заработка ещё по копейке печатную строчку, помимо того семишника, который платит издатель за изложенное на бумаге благородство взглядов.

Человек любит быть благородным в свободное от непосредственных обязанностей время...

Я был в восторге от этой прекрасной статьи, написанной в высшей степени живо, образно и метко, стилем ясным, простым и вполне достигающим своей цели. В ней было ещё несколько живых характеристик представителей нашего общества, и все они поражали своей мудростью, знанием человеческой души и полным забвением приличий, столь необходимых в сношениях людей друг с другом, но в данном случае смело, с истинно гражданским мужеством принесённых на алтарь правды и чести автором этого фельетона, человеком, действительно, в поте лица зарабатывающим свой семишник.

О семишник, источник благородства, главный стимул наших деяний и роковой рычаг, столь часто свергающий нас с почвы, и без того шаткой, в гнилую пропасть бесстыдного служения Мамону, в область подлости, где мы теряем всякое представление об истинных потребностях духа нашего, всякие заботы о растрёпанной жизнью душе нашей!

Много, много лирических дум возбудила во мне статья этого благородного человека!

И вдруг!.. О, будь я проклят!

И вдруг пришёл наш хроникёр – мой злобный гений.

По его сияющей физиономии, по его танцующим усам я сразу заключил, что он «на седьмом этаже блаженства», – как любил выражаться один мой приятель.

– Читали? – спросил он меня.

Я утвердительно кивнул головой.

– Славно вас отделали!.. – восхитился он.

– Где?

– Как – где? В «Карболке»... в «Прогулке»...

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Да разве это меня? Р-разве это я?

– Ну вот ещё! Сам автор фельетона говорил мне, что это вы! – резонно сказал хроникёр.

Сам автор фельетона! Мне оставалось поверить, что этот, столь жестоко описанный «турецкий бандит» – я и есть, – раз сам автор фельетона категорически утверждает, что это так.

– Но он, может быть, ошибся? а? – робко выразил я надежду.

– Не понимаю, как это можно тут ошибиться! – пожал плечами хроникёр. – Раз я пишу о вас – значит, я пишу про вас... А вы почему не верите, что это вы?

– Да мне, видите ли, кажется, что я не такой уж...

– А! А вы присмотритесь к себе попристальнее...

Я почувствовал, что меня «оглушили», выражаясь новейшим литературным языком, или – меня «взбукетенили», говоря тем же стилем, меня «взъерепенили», «подмазали», «задали феферу» и показали мне полемическую «коку с соком».

Я почувствовал себя нехорошо и отправился домой.

Там я взял зеркало, поставил его против себя и с холодным ужасом в душе стал рассматривать отражённую в нём физиономию – мрачное вместилище всевозможных гнусных пороков.

Так вот каков я! До сей поры я не знаком был с собой – значит... И я смотрел, смотрел на себя, пытаюсь открыть на лице своём печати совершённых мною преступлений... Но я видел мало.

Лунообразное лицо моё не отражало на себе ничего, кроме гнетущей тоски. И тогда во мне пробудилось горячее желание насладиться лицезрением автора фельетона, на роже которого – автора, конечно, а не фельетона – должны были сиять разноцветные добродетели. О, сколько бы я дал ему за одно посмотрение на благочестивый лик его! Но, сообразив, что мой ядовитый взор мог омрачить сияние его младенческой рожицы, – я испустил тяжкий вздох разочарования и погрузился во мрак скорби о себе... Я припомнил всё, совершённое мной...

Но, сосчитав мозоли на руках, я не нашёл пятен преступлений на душе моей. Ах, это меня не утешило! Я знаю, что человек почти слеп, когда он смотрит на себя, я знаю, что он не видит теней на сердце своём, и только светлые пятна бросаются ему в глаза.

Но вдруг я подумал: «Однако... однако, откуда автор фельетона собрал столь точные сведения о количестве моего белья, о моих увлечениях дамами и о прочем, что поставлено им в столь тяжкую вину мне и что так омрачило репутацию мою?»

И тогда я вспомнил о господине, собиравшем обо мне справки у Акулины Ивановны, моей почтенной кухарки. Я удивился и умилился: вот что значит быть апологетом истины! Человек ничем не брезгает ради торжества её...

И я позвал кухарку и сказал ей:

– Ивановна! Когда в другой раз придёт этот достойный человек, расспрашивавший тебя обо мне и о жизни моей, – ты отнесись к нему с почтением! Пригласи его на кухню к себе и напой его чаем – он заслуживает этого...

– Вчера опять был... для воскресного фальтона какого-то спрашивал про вас. Я говорила ему: «Войди, мол, милёнок, попьём кофию вместе...» – «Вдругорядь, говорит, приду, бабушка...»

Неколи, вишь, ему было.

Отдав это распоряжение, я – чёрт меня дёрнул! – вздумал написать маленькую поправку к фельетону...

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Мне хотелось объяснить, что обвинение меня в женолюбстве построено только на почве моих платонических чувств к одной женщине и что, на мой взгляд, оно не особенно прочно построено, а что касается до носовых платков, то я в опровержение каких-либо подозрений предлагал придти ко мне и посмотреть оплаченный мной счёт из магазина. Там чётко было написано, что платки я покупал и деньги за них полностью платил.

Но – увы! Через день появилось опровержение моего опровержения. Оно озаглавлено: «Честь по представлению о ней редактора „Саламандры“».

«Эта убогая газета, – говорилось в статье, – всё понимает по-своему. Обратите внимание на её правописание – она не пишет „честь“ – а пишет „честь“».

И затем начиналось разъяснение, что такое честь с мягким знаком на конце и как надо понимать честь с твёрдым знаком. Выходило, что твёрдый знак, хотя он и был поставлен к чести по вине корректуры, радикально изменяет представление о чести.

Порядочный человек должен иметь при себе честь с мягким знаком на конце, люди же, употребляющие честь с твёрдым знаком, – душегубы и разбойники. Я возразил кратко и ясно, сказав, что это только корректурная ошибка.

Мне ответили, что за недостатком аргументации я, конечно, не мог найти иного оправдания своей моральной нищете и духовной извращённости. Кстати, было упомянуто и о том, что моя бабушка собирала на папертях церковей милостыню, а мой дед был горчайший пьяница, а незадолго перед смертью сошёл с ума.

Я немного разгорячился и заявил, что как моя бабушка, так равно и дедушка никакого отношения к прессе не имели и даже всю свою жизнь и не знали о её существовании.

Тогда мне сказали, что человек, публично сознающийся в своём незнании задач прессы и в то же время состоящий руководителем одного из её органов, – достоин быть за это повешенным.

Я взбесился и ответил кратко:

«Вы сами все висельники!»

Это было принято за оскорбление. В новой статье мне ответили внушительно и тяжело.

Перечислив все свои будущие заслуги пред обществом, «Карболка» напечатала мою подробную биографию, по прочтении которой на моей голове сразу образовалась внушительная лысина. Я стёр себе зубы, скрежеща ими, и разбил руку, стуча ею о стол. В заключение статьи мне представлялась на разрешение такая дилемма: или быть избитым палками, или публично покаяться во всех моих преступлениях и благоразумно предать себя в руки правосудия.

Я чувствовал себя квартирующим на раскалённой сковороде и вкушающим горячие угли. Я чувствовал себя неспособным к такой полемике, хотя во дни моей юности и славился как ловкий и смелый кулачный боец.

По всем вышеизложенным причинам я впал в отчаяннейшую тоску. Это было мучительное состояние, выход из которого, я знал, один – самоубийство. Я всегда в такие моменты и прибегал к самоубийству и не знаю лучшего средства против сплина. На самоубийство обыкновенно смотрят ошибочно – считают его весьма часто преступлением и всегда почти малодушием. Это безусловно неверный взгляд. Самоубийство – великодушный поступок, и если б разные никому не нужные и слабосильные для жизни люди были несколько вдумчивее и более серьёзно относились к жизни – она была бы гарантирована от таких громадных скоплений элементов, никуда не годных в смысле продуктивности их бытия. Самоубийство – это самодействующий запасный клапан, выпускающий из жизни излишки дурных испарений. И только.

И вот я решил покончить с собой. Я с трудом решаю, но не привык медлить, раз уже

Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты. Максим Горький gorkiymaxim.ru решил.

А посему я вынул свой револьвер, тщательно зарядил его, нащупал рукой сердце и уже готов был прекратить его биение, как вспомнил, что «Карболка» может опередить нашу газету сообщением о моей трагической кончине.

И, движимый чувством любви к моей газете, я, отложив револьвер в сторону, взял в руки перо, чтоб написать о себе несколько тёплых слов. Ибо, по совести говоря, кроме себя я не знаю человека, который имел бы так много права почтить меня парой тёплых слов. Да, в течение моей жизни я сделал себе много совершенно бескорыстных услуг и могу вполне искренно сказать себе: «Спасибо, брат! Ты мог относиться ко мне гораздо хуже и не относился так – спасибо же, брат!..»

И вот я сел за стол и написал хронику.

«Трагическая смерть М.Г.Паскарелло.

Вчера ночью, в 11 ч. 55 м., мало известный в настоящем литератор, наш уважаемый сотрудник (имя рек), – лишил себя будущего выстрелом из револьвера в левую сторону груди.

Пуля, раздробив ребро, вошла в сердце, – сердце было мягкое и хранило в себе много тяжёлых воспоминаний, а потому, не желая увеличивать собой общей суммы тяжести в сердце покойного, пуля, пробив его навывлет, впилась в спинку кресла.

Покойный был человек крупного роста и носил широкие одежды, за что раз подвергся ядовитому обличению в печати.

Но мы надеемся, что теперь, ввиду его смерти, – не будут ставить ему в вину любовь к некоторой эксцентричности в костюме; не надо забывать, что, как бы мы ни одевались, в конце концов всех нас ждёт один и тот же универсальный костюм – саван. Мы не будем говорить о заслугах покойного перед обществом, мы обойдём молчанием и его личные свойства, – но уже один тот факт, что он решился умереть в таких молодых летах, ясно свидетельствует, как неустанно этот человек до последнего момента своей жизни боролся со всем, что ненужно в жизни, и как последовательно он истреблял его. Этот же факт рисует и недюжинный ум покойного. Что сказать ещё о нём?

Скажем главное – он умер. Мы все тоже умрём со временем – это факт. Все люди, покойные и беспокойные, будут абсолютно покойными, ибо всем, рано или поздно, придётся лечь в могилу.

Ввиду этого обстоятельства, также и в силу нашего полного незнания о том, что нас ждёт за гробом, – мы рекомендовали бы публике, – как нашим читателям, так равно и собратьям по искусству просвещения, – быть, елико для них возможно, порядочнее.

Вот всё, что мы имеем сказать по поводу роковой кончины нашего сотрудника. Мир душе его!»

Написав это, я расстегнул рубашку и выстрелил себе в грудь.

Всё произошло так, как написано мною, – пуля пробил меня насквозь, и вслед за ней из меня выскочила душа.

Вследствие этого я умер.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Башки buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!